

[Доса]

Когда какая-то часть тела начинала капризничать, это всегда тянуло за собой все остальное. Тупая боль распространялась от живота к ногам. Как только я дотрагивался до кровати, моя голова тяжело опускалась вниз, и я отказывался двигаться, несмотря ни на что.

Рюкзак Шэнь Сюя не выглядел таким уж большим, но в нем было все, что нам могло понадобиться. Из-под полуопущенных век я увидел, как он вынул оттуда предмет за предметом, как будто содержимому сумки не было конца. Я даже заметил пачку «Цзяньвэй Сяоши Пиан» со вкусом ягод боярышника... Раньше они мне нравились.

— Ты даже это взял. — слабо сказал я.

Сначала Шэнь Сюй не понял, о чем я говорил. Его взгляд блуждал по комнате, пока не остановился на упаковке таблеток от несварения желудка. Он сказал мне, что подобное нельзя есть, когда ты болен, и отбросил их подальше.

— Ты читаешь мои мысли, Шэнь Сюй... — я зарылся лицом в подушку, что заглушило мой голос. — Как ты догадался, что я говорил об этом?

Звуки, издаваемые им, когда он в чем-то рылся, стихли. Шэнь Сюй не ответил. А затем я услышал несколько четких звуков... Звук льющейся в емкость воды, звук закрывающейся крышки и включения вилки в розетку. Через несколько минут вода, булькая, закипел, и раздались приближающиеся шаги, приглушенные ковром. Я почувствовал себя так, словно нахожусь в плену липкой жидкости. Я не мог пошевелиться, поэтому мог только лежать, пока Шэнь Сюй силой усаживал меня на подушки.

— Горячая. — пар обжег кончик моего носа, и это навело меня на мысль, что вода была слишком горячая, чтобы ее пить. Шэнь Сюй отпил немного передо мной.

— Это не так.

— Нельзя ли мне оставить ее остывать еще на некоторое время? — я резко опустился на пол, сворачиваясь калачиком.

Шэнь Сюй посмотрел на воду в стакане, затем встал, чтобы взять другой. Он перелил воду в другой стакан, затем снова перелил, пока поднимающийся пар не перестал быть обжигающе горячим, прежде чем передать воду мне. Я запил им лекарство.

— Спасибо. — когда теплая вода перетекла в мой живот, я почувствовал себя немного лучше. Лекарству нужно было некоторое время, чтобы подействовать, поэтому я снова завернулся в одеяло, оставляя руки над ним. Я похлопывал себя по животу и потянулся к нему. — Мой телефон...

— Вот.

Шэнь Сюй встал и передал прямоугольное устройство мне. Я лег на бок, открыл его и с трудом ухитрился зайти в журнал чата, где были видны только зеленые текстовые пузырьки, и отправил запрос на видеозвонок.

Он отказывался уделять мне время, но я действительно скучал по нему.

Мелодия звонка радостно прозвенела, хотя звонок еще не завершился. Я прижал телефон

ближе и посмотрел на повторяющееся многоточие на экране, пока оно не потемнело, отражая мое искаженное лицо.

Я вернулся на предыдущую страницу и позвонил ему снова. И снова. Я не хотел плакать перед кем-то еще, потому что это создавало впечатление, что я слабый и находился в невыгодном положении в этих отношениях, но слезы продолжили литься, их невозможно было остановить, образуя небольшую лужицу на подушке рядом с моим лицом. Я сильно прикусил губу, собираясь позвонить ему снова, чтобы сказать: «Эй, я неважно себя чувствую, твое сердце должно болеть за меня, покажи мне, что ты беспокоишься, скажи несколько приятных слов и ободря меня», но прежде чем я смог позвонить, мой телефон опустился, и на смену ему появился властный хмурый взгляд Шэнь Сюя.

Встревоженный, я изо всех сил попытался оторвать его пальцы от своего телефона. Что, если на этот раз он возьмет трубку? Что, если это произойдет?

— Верни мне телефон... Шэнь Сюй! — я умоляюще всхлипнул, но Шэнь Сюй не мигая посмотрел на меня.

— Ты звонил своему парню?

— Нет.

— Не звони ему больше. — Шэнь Сюй отобрал у меня телефон.

— Не делай этого. — мои руки обхватили его, словно тиски. — Я больше не буду ему звонить, не буду, так что верни мне мой телефон...

Было такое чувство, что кто-то нанес мне кровавую рану. Я умолял его почти с притворным смирением. Возможно, я производил впечатление жалкого человека, потому что он слишком быстро отвернулся, и я не успел разглядеть выражение разбитого сердца, промелькнувшее на его лице.

И на этом мы оба прекратили разговор по телефону.

— Если ты хочешь о чем-то поговорить, ты можешь поговорить со мной. — после долгого молчания он осторожно вернул мне мой телефон. — Прости, мне не следовало отбирать у тебя телефон. Это потому, что я только что увидел, как ты плакал... Я очень волновался.

Я забрал свой телефон и прижал его к груди. Мои одеяла были натянуты повыше, и я мог вдохнуть запах дезинфицирующего средства, когда немного опустил голову.

— Он был так добр ко мне. — прошло столько времени, а я уже не понимал, о чем говорю. Я просто нес чушь, ничего не понимая. Я вытащил левую руку из-под одеяла и показал ее Шэнь Сюю. — Он сделал это для меня.

— Тебе так нравится? — Шэнь Сюй разглядывал браслет.

— Очень.

— Даже сейчас?

— Да, даже сейчас.

— Не великоват ли он тебе?

Шэнь Сюй оценивающе разглядывал браслет. За последние несколько месяцев я немного похудел, и бусы действительно выглядели неуместно на моем выступающем запястье. С непривычки я отдернул руку и снял браслет, обхватывая его ладонью.

— Даже если это и так, я уже привык смотреть на него. Я ношу его так долго. Мой парень сделал его для меня, когда мы еще учились в университете. Он брал по небольшому образцу руды с каждой инспекционной площадки, на которой побывал, и делал из всего собранного ожерелье, но форма бусин была не того размера, так что я выглядел как монах, когда носил ее на шее. Он мог только изменить его, подобрав несколько бусин самых красивых цветов и сделав из них браслет... Посмотри на эту бусину в центре с белыми крапинками... Это камень со снежных гор Юйлун.

— Откуда эта? — Шэнь Сюй тыкнул пальцем в коричневую бусинку.

— Из гротов в Ганьсу. — я был уверен в своем ответе.

Шэнь Сюй улыбнулся.

— Ты так хорошо это помнишь.

Я сильно нажал на бусинку, пока она не впилась в мою плоть.

— Тебя все еще тошнит? — спросил Шэнь Сюй.

Я покачал головой. Это помогло мне отвлечься от мучительной боли в животе.

— Как насчет вот этой? — Шэнь Сюй тыкнул пальцем в красную бусинку, которая была меньше остальных. Она тоже выглядела новее, потому что была добавлена к браслету некоторое время спустя.

— Это сердолик. Его название в переводе с латыни означает «плоть».

Как только я посмотрел на него, меня захлестнула волна боли. Он подарил мне это украшение после того, как сделал предложение. Сам по себе минерал не был такого высокого качества, но он заручился опытом опытного мастера, который придал камню форму шара, что повысило его ценность. Камень был расположен между двумя малахитовыми бусинами.

Штамп на красной карточке и дальнейшая наша жизнь была предрешена. Он поцеловал меня в школьной студии и сказал, что мы, должно быть, поженимся первыми среди наших одноклассников.

— Конечно!

Я сел к нему на колени, обнял его за шею и продолжил целовать. Небо за окном было по-прежнему светлым, мы не заперли за собой дверь, и, тем не менее, наши губы по-прежнему бесстыдно соприкасались. Честно говоря, с момента нашего первого поцелуя, который был всего лишь кратким прикосновением губ, каждый поцелуй, который мы разделяли, был испытанием на прочность для наших губ. Мы не могли остановиться даже после того, как наши губы онемели и начали болеть.

Он быстрее учился, когда дело касалось таких вещей, как поцелуи, дразнящие ласки, как провести губами от моей нижней губы к шее в нужный момент. Кончик его языка был таким сладким, что я никогда не мог насытиться, и каждый поцелуй ощущался как доза яда,

дремлющая во мне, как совет никогда не пресыщаться, иначе у меня не останется другого выбора, кроме как попросить его о чем-нибудь, когда я захочу.

После долгого поцелуя он закрыл глаза, выглядя довольным и насытившимся, как будто готов был выслушать каждое мое слово. И я воспользовалась случаем, чтобы высказать несколько пожеланий... например, я хотел, чтобы он стал моей моделью для портрета.

— Ты уверен? Тебе придется долго сидеть и не шевелиться. — я вдруг почувствовал себя виноватым. — Я рисую очень медленно, но мне нужно сдать это послезавтра.

— Ты в самом деле начинаешь сегодня, когда работа должна быть готова через два дня?

В его голосе звучала покорность, но, тем не менее, он выглядел чрезвычайно готовым к этому. Он устроился на стуле в самой удобной позе, расставив длинные ноги и положив одну руку на спинку стула. Именно так он обычно сидел, когда обучал меня, что свидетельствовало о его достаточном терпении.

— У меня достаточно времени. Я подсчитал, сколько времени мне понадобится. — в тот момент я плохо разбирался в сроках. Наблюдая за своим парнем, который впал в оцепенение, я воскликнул. — Почему ты так добр ко мне?

— Если я буду хорошо к тебе относиться, сможешь ли ты любить меня чуть больше? — внезапно спросил он дрожащим голосом.

Озадаченный, я ответил:

— Я всегда любил тебя. Я не знаю, как я могу любить тебя еще больше.

— Я просто спросил. — сказал он, смущенно дотрагиваясь до своего носа. И тут он понял, что ему нельзя двигаться, поэтому быстро вернулся в исходную позу.

Я изо всех сил старался закончить черновик как можно скорее, но чем больше я думал об этом, тем больше запутывался.

— ...Ты боишься, что я недостаточно сильно люблю тебя?

— Нет.

Это означало «да». Я посмотрел на выражение его лица... Было очевидно, что он так быстро все отрицал, потому что считал свой вопрос мелочным. Существовала ли любовь, на кого она была направлена, кто любил сильнее... Эти острые вопросы должны были чаще задавать эмоциональные и сентиментальные девушки.

Благодаря его привлекательной внешности и интеллекту, конечно, не было недостатка в людях, которые с юных лет преследовали его. По сравнению с ним, я, который ни в чем не был особенно выдающимся, должен был бы испытывать беспокойство. Вот почему я испытал смешанные чувства, когда узнал, что он с самого начала был заиклен на этом вопросе.

Если все было так, как я думал, то характер его отношения ко мне, когда мы встречались, изменился. Он не все делал искренне, от всего сердца, и это было похоже на то, что его действия были совершены для того, чтобы получить что-то от меня, чтобы успокоить меня.

— Кстати, ты знаешь, что наши одноклассники из старшей школы неправильно поняли тебя? —

я рассеянно проверил пропорции. Этот шаг был не важен, так как я мог нарисовать его даже с закрытыми глазами. — С тех пор, как вы вместе гуляли и ели цыпленка бобо.

Он вдруг рассмеялся и сказал, что знает.

— Ха, я думал, ты не знаешь. — сказал я. — Я долго думал, как мне спросить тебя об этом.

— Я сделал это нарочно. — сказал он, рассеянно опустив взгляд.

— Нарочно?

— Да. — под лучами заходящего солнца он сидел, как статуя. — Они называли меня дашэн*, говорили, что я им нравлюсь и что я хороший человек. Я хотел попробовать и посмотреть, буду ли я им по-прежнему нравиться, если не буду делать то, что они хотят.

*[] - способ назвать кого-то потрясающим.

Мне нечего было сказать в ответ. Когда это делал он, этот мотив казался слишком детским.

Он допытывался у всех остальных таким громоздким способом, в то время как мог бы доказать свою точку зрения более мягко. Я подумал, что конечные результаты могли быть другими. Однако я не стал высказывать свои мысли вслух, потому что внезапно осознал следующее: мой парень, необыкновенный и удивительный как в глазах других людей, так и в моих, на самом деле был чрезвычайно низкого мнения о себе.

Он сидел тихо. Он не мог читать или делать домашнюю работу, когда был натурой, и это заставляло меня чувствовать себя виноватым, поэтому я подошел и помог ему надеть наушники. Однако вскоре он снял их.

Я рисовал его дольше, чем обычно. Я не был удовлетворен окончательным цветным рисунком, потому что он показывал тяжесть на сердце и мрачные мысли, но моему учителю он понравился. Возможно, лицо моего парня, отражающее закат, многое добавило к этой сцене, но это было всего лишь мое предвзятое мнение.

Выбранные работы должны были быть выставлены вместе, но по какой-то странной причине я не хотел этого. И вот ночью я прокрался в кабинет учителя и забрал эскиз обратно.

<http://bllate.org/book/14890/1347415>